

Андрей Шамин

Ветер летящей зари

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Шамин

Ветер летящей зари

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Шамин А. В.

Ветер летящей зари / А. В. Шамин — «ЛитРес: Самиздат», 2017

Ранним утром, когда нежный туман ещё окутывает дремлющую землю, странные люди, которых считают не от мира сего, стряхивают остатки сна неспешной прогулкой. Они выходят на берег реки или моря и замирают, прислушиваясь к чему-то, что растворено в начинающем розоветь воздухе... Так рождаются стихи и сказки – слетают с пера, начинают свой путь к читателю... Содержит нецензурную брань.

Содержание

Ветер летящей зари	5
От автора	6
Вместо пролога	7
Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	10
Глава 4	11
Глава 5	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ветер летящей зари

Светлой памяти Пелагеи Поликарповны Шаминой, бабушки моей, посвящаю

*Ветер дышит, где хочет, и
голос его слышишь, а не
знаешь, откуда приходит и
куда уходит
Иисус Христос*

*Есть ветер такой,
Что волос не растреплет
Не шевельнёт даже листьев
А просто вдруг налетит
Неизвестно откуда
И заставит подумать
Внезапно прошелестев на
Рассвете:
Что-то от нас далёкое
Существует на свете
Стефан Раичкович.*

От автора

*"Идёт ветер к югу,
и переходит к северу,
кружится, кружится на ходу своём,
и возвращается ветер на круги свои".
Екклесиаст, глава 1, стих 6.*

Всё было, всё есть, всё будет...

Вместо пролога

Что – если настала бы тишина,
Не на день – навсегда?
Отражение долгого сна –
Тишина навсегда тишина...
Тишь – бездонная пропасть -
Улететь, раствориться, пропасть
В ней, в тиши...
В ней —
Нирвана...
Тишь – она -
Отражение долгого сна.
Мир сошёл бы с ума –
Шум исчез, гам исчез – тишина,
Как немое кино –
Суета, толкотня и —
Тишь –
Она —
Голубое окно
К себе, если не спишь.
Если сам с собой в тишине,
Если мир ликует в весне...
Отражение долгого сна,
Избавленье и боль —
Тишина

Глава 1

Чёрной тенью метнулась из ослабших пальцев и закачалась гудящим маятником трубка. Я до боли, так, что побелела ладонь, ударил, (хотя зачем? – ведь он же не виноват!) серый ящик. Чёрт!.. Эти цифры ... Они набирались с трепетной надеждой, всё во мне затихло. Чего я хотел бы сейчас – это чтобы там подняли трубку, этот кусок пластмассы, ставший весом равный моей судьбе. И когда пискнула последняя цифра, и когда длинный безжалостный гудок пронзил сердце, внутри что-то оборвалось и мир замер. И только во мне тягуче медленно раскачивался маятник. Вот остановился и он; время застыло.

Я хотел стряхнуть это тягостное оцепенение и ударил, ударил безмозглую штуку, отказывающуюся мне помочь. Телефон захлебнулся рваным режущим уши писком, но я уже ничего не слышал... Из забытья меня вывел бесцеремонный стук.

– Ну, сколько ещё можно пиздеть – люди ждут! – мордастый тип, весь в коже, сверкнул золотым ртом.

– Извините... – послышался мой голос, словно записанный невесть когда на ленту и только сейчас воспроизводимый.

“Золотой зуб” сделал ручкой и захлопнул дверцу. К нему судьба оказалась благосклонней, – уже через пару секунд он, скалясь, отрывисто что-то кричал в трубку, выплёскивая далёкому собеседнику всё накопившееся нетерпение.

Эх, судьба, – всплыло в голове, – если она – дама, то здесь применимо – чем больше женщину мы любим, тем меньше нравимся мы ей. Хм... Жизнь... Судьба... Да. Если у вас депрессия, то не о чем больше жалеть...

Глава 2

Солнце стояло в зените, когда я преодолел часть расстояния до своего убогого (убого – убога, мы все живём у Бога, – каламбур, однако!) жилища.

Тень задыхалась под ногами. Вминая её в расплавленный асфальт, я брёл в никуда... Если тебе надоело жить, то прольётся масло на рельсы трамвая...

Визг тормозов лишь на миг вернул меня в покинутую реальность.

– Ты! Что!? Придурок!

Хлопья звуков, плавно кружась, сыпались с белёсо-голубого свода и падали в бездонный колодец, забитый облачной ватой. Тело моё встряхнулось.

– Твою мать! Глухонемой, что ли?! – чёрные зрачки, полыхая гневом, надвинулись; искры посыпались на самое дно – Твою мать! – и, почти участливо, – чокнутый... Ну и хуй с тобой.

Меня куда-то потащило.

– Вот это – тротуар, а то – улица. Надо по тротуару идти. Понял? Ну... Топай!

Глава 3

Что ни случается – всё то к лучшему, – встряска помогла – иначе я так бы и затерялся в этом, ставшем сразу чужим лабиринте. В короткое мгновение прояснения увидел я табличку – оставалось всего-то, да ладно, какая там разница... Вот это меня и угнетало.

Я растягивал эти жалкие метры как кондом. Я убивал время, а оно убивало меня. И всё же то, что я задумал, эта проклятая ситуация, этот миг развязки, кульминация, апогей или, наоборот – перигей приближались неотвратно – расстояние сокращалось.

Я ещё имел возможность... Канавой улицы миновать дом и отдаться суетному потоку. Он подхватил бы меня, как в паводок пьяная свободой река кружит дерево, сорвавшееся с яра, омывая пеной некогда величавый ствол, и унёс. Унёс в иллюзорную неизвестность бордового вечера, полного хрустальных миражей и томных ароматов. Но я не мог.

Мир ещё существовал, – но меня в нём не было. Я принял решение ещё до того, как... Ну не связала Фортуна оборванную нить и ... Отступить? Хм... просто уже не было причин. Не было! И от осознания этого глаза подёрнулись влагой...

Видимо злой дух следил за мной – мир размыло именно в тот момент, когда я зашёл в подъезд и поднялся к двери. На ощупь я вставил ключ и вошёл. Лёгкое дуновение осушило слёзы. Дверь, щёлкнув шлепером, отсекала остальной мир. От удара из-под номера выпал маленький, сложенный вчетверо, листок – мелькнула лишь светлая тень.

Глава 4

Дальше я действовал с завидной решительностью. Перво-наперво навёл полный порядок – даже пыль, веками копившуюся на полках, вытер. Взял томик, наугад открыл – Руах¹, хм... Кисло усмехнулся. Потом аккуратно сложил книги; накрыл пледом пишущую машинку. Умылся и с наслаждением почистил зубы, машинально отметив: надо б к стоматологу, и сам себе улыбнулся в серебряный туман. Отражение среагировало адекватно, но вместо улыбки я почему-то увидел осуждение.

– И ты, Брут! – сказал я ему – Грустно... В этом мире даже отражение против. Ну... Хрен с тобой, дорогой! – и нараспев прочёл, скорее для себя, – “Как ни жаль – всё ж когда-то умрёшь: раз посеял печаль, значит, лихо пожнёшь...”

Засим я с ещё большей энергией продолжил наводить марафет. Горящие волны уходящего дня плеснули в окно. Несчастливая любовь – потухшие облака над морем...

Запираться не стал, оставил все, как есть (почему-то стало жаль двери, – небритые садюги-слесаря с их ломами, фомками и другим снаряжением). Брр! – пусть всё будет цивильно. Будильник зазвенел остатками завода. Уже можно вставать... – Забавно! – автоматически отметил я, – комедия ля финита!

¹ Руах – ветер, дух. древне-еврейск.

Глава 5

Как говорят: “Ху есть ху, а все мы – актёры большого театра”. Вот и способ был потому несколько артистичный выбран, но такая уж художественная (видимо от слова “худо”) я натура; не буду описывать все его тонкости и достоинства. Это был мой выбор. И точка. Точка и ша!

Процесс происходил в две стадии: сначала расслабление, ну а потом и отбытие, если получится. Получиться же, по моим расчётам, должно было стопроцентно.

На первом этапе, как ни странно, меня одолела бессонница; до стадии второй времени оставалось ещё порядочно, и я решил заняться мемуарами; а что? Чем чёрт не шутит!? Да и записку полагается черкануть – по традиции. Я перещёлкнул цвета – в начале было заглавие.

“Любопытство движет всем и всеми...” Любовь пытаться – искать, аскать – шиза какая-то! Фраза спланировала на лист. Я догнал колёсики водой, прикрыл глаза и представил, как главный редактор и издатели (первый отвергнувший “несчастливого” (издатели стали вторыми), друзья, критиканы и просто тусовочный люд, стоят у гроба и перешёптываются, – А вы знаете, коллега... Я иногда в нём замечал... М-да... Какой талант... Ах! и как рано... Вай-вай-вай...

Отчего-то это “Вай-вай” меня взбесило, и я решил ускорить ход событий. Моя рука ещё что-то карябала, когда в глазах замерцало, виски сжал тугой стальной обруч; из желудка потянулись ледяные щупальца; члены оцепенели. Холод коснулся сердца и дополз до макушки. Сумерки очей сменились ночью, и я провалился в закрутившуюся тьму.

Прошла вечность... или миг? Незаметно посветлело. Всё приобрело синевато-чёрный окрас.

– Надо бы включить свет, – подумал я и обнаружил, что настольная лампа включена, но света от неё как от одинокого светлячка в мрачном сыром бору.

По углам шевелились расплывчатые тени. Там, где висело зеркало, зиял вход в тоннель, словно занавешенный водой. Мне даже показалось, что там мелькнуло нечто розовое и хвостатое (не поросёнок!). Раздавались странные звуки.

– Начинается! – вспыхнуло в мозгу. Кошмара мне только и не хватало! Вот и решился с жизнью! Да я в гро... – моя речь оборвалась на полуслове – странное полупрозрачное, светящееся тёплым бело-розовым внутренним светом крылатое существо стояло? в дверях.

Я услышал голос, правильнее было бы сказать, голос звучал во мне самом.

– Ты сделал выбор?

– Да! – ответил я почти гордо.

Повисло неловкое молчание. Наконец, светлый гость нарушил его:

– Пойдём.

– Куда это? – насторожился я.

– Туда, – он возвёл “очи горе”, – давай руку.

Если это – сон, то... – я протянул руку и...

Комната и всё в ней поплыло. Вначале я испугался. Затем пришло состояние, похожее на обкурку, но гораздо светлее и приятней – просто неопишное! Мы воспарили сквозь потолок, крышу и: алмазы, аметисты, рубины, сапфиры засверкали, заиграли на тёмно-синем своде космического собора. Полная Луна горела, словно серебристо-алая лампада. По ней пробежали разноцветные полосы. Мостом из самоцветов уходил вглубь Вселенной Млечный путь; звал и манил в беспредельность звёздных скитальцев...

С красот неба я перевёл взор на грешную Землю. Город спал, укутанный туманным одеялом. Поверх него заботливая Ночь разостлала тонкое кружевное покрывало. Мерцающий узор из огней автомашин, сполохов неона, казалось, дышал, а фея продолжала вышивать люрексом дорог и золотом окон матово-чёрную бязь, вкрапляя нежно-розовые жемчужины фонарей и бисер светофоров.

Старый Город нежился в меланхоличном потоке. Шпили его соборов царапали облака и казались ирреальными, принесёнными из древних легенд каким-то неведомым волшебством.

– Всё – прах. – вернул меня из сказки голос, – Творец – вечен.

И, помолчав, продолжил, – вы – рабы материи, разум же ваш – беспределен.

И, не успев я спросить о Добре и Зле, снова заговорил:

– Не знаю... Вам всё дано, и сверх того... Сейчас смотри же...

Мы поднялись выше облаков, к самым небесным сокровищам, и повисли в эфире. Если бы я хотел, то мог бы спокойно погладить Большую Медведицу. Интересно, какая шёрстка у звёздных животинков?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.